

minibo**OK**

ФРАНСУАЗА САГАН

ВОЛШЕБНЫЕ ОБЛАКА

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С13

Fransçoise Sagan
LES MERVEILLEUX NUAGES

© Editions Julliard, Paris, 1961

Перевод с французского *Н. Комин*

Оформление серии *А. Стафилова*

Саган, Франсуаза.

С13 Волшебные облака / Франсуаза Саган ; [пер. с фр. Н. Н. Комин]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 128 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-87552-8

Удивительный роман непревзойденной Франсуазы Саган, величайшей писательницы XX столетия.

Он — заложник собственной любви, терзаемый мучительной, непреодолимой ревностью. Он ревнует по любому поводу, ревнует к настоящему и прошлому, к поступкам и мыслям, отчаянно боясь потерять ее. Она — птица, попавшая в клетку этой ревности, доведенная ею до мук и отчаянья. Она желает снова взлететь в облака, вернуть свою независимость. Но как можно причинить ему боль?

Две противоположности, две половинки, соединенные узлами брака и узлами любви, о которой сложно сказать, наказание это или дар небес.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-87552-8

© Н. Комин, перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ИНОЗЕМЕЦ

— Скажи мне, таинственный незнакомец, кого ты любишь больше? Отца, мать, сестру, брата?

— У меня нет ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата.

— Друзей?

— Вы произнесли слово, смысл которого до сих пор от меня ускользал.

— Родину?

— Я не знаю, на какой широте она находится.

— Красоту?

— Если бы она была бессмертной богиней, я был бы не прочь ее полюбить.

— Золото?

— Я ненавижу его, как вы ненавидите Бога.

— Тогда что же ты любишь, странный иноземец?

— Облака... Плывущие облака... там, высоко... Волшебные облака!

Шарль Бодлер (Поэмы в прозе)

ФЛОРИДА

1

На фоне слепяще-синего неба Ки Ларго чернел иссохший остов какого-то ветвистого тропического дерева, напоминающий жуткого паука. Жозе вздохнула, закрыла глаза. Настоящие деревья вроде того одинокого тополя на краю луга, у самого дома,

были от нее далеко. Она ложилась под ним, упиралась ногами в ствол, смотрела на сотни трепещущих на ветру листочков, наклонявших общими усилиями самую верхушку дерева, которая, казалось, вот-вот оторвется, вот-вот улетит. Сколько ей тогда было? Четырнадцать? Пятнадцать? Иногда она ладонями сжимала голову, припадала к тополю, прикасалась губами к бугристой коре и шептала клятвы, вдыхая неповторимый букет из травы, юности, страха перед будущим и уверенности в нем. В то время она не могла вообразить, что когда-нибудь покинет этот тополь и, вернувшись десятилетие спустя, обнаружит, что он срублен под самый корень, что от него остался лишь сухой пенек с пожелтевшими зарубками от топора.

— О чем ты думаешь?

— О дереве.

— Каком дереве?

— Ты не знаешь, — сказала она и рассмеялась.

— Само собой.

Не открывая глаз, она почувствовала, что внутри нее что-то сжалось. Это случилось всякий раз, когда Алан начинал говорить таким тоном.

— Когда мне было девять лет, я любила один тополь.

Она задумалась, почему ей пришло в голову представить себя моложе, чем это было на самом деле. Наверное, чтобы уменьшить ревность Алана. Раз ей было только девять, вряд ли он спросит: «Кого, кого ты любила?»

Наступила тишина, но она чувствовала, что ответ его не удовлетворил, что он о чем-то напряженно размышляет, и на смену ее безмятежной дреме пришло на-

пряженное внимание. Парусина шезлонга облегла ее спину, с затылка никак не могла скатиться капля пота.

— Почему ты вышла за меня замуж?

— Я любила тебя.

— А сейчас?

— Я и сейчас тебя люблю.

— За что?

Это было прологом: первые реплики соответствовали трем звонкам в театре, они напоминали своеобразный, установленный по обоюдному согласию ритуал, который предшествовал сцене самоистязания Алана.

— Алан, — тоскливо произнесла она, — давай не будем.

— За что ты меня полюбила?

— Ты казался мне спокойным, надежным американцем. Я это уже сто раз говорила. Я считала тебя красивым.

— А теперь?

— Теперь я не считаю, что ты спокойный американец, но ты остаешься красивым.

— Безнадёжно закомплексованный американец, не так ли? Не будем забывать про мою мамулю, про мои доллары.

— Да, черт тебя побери, да! Я тебя придумала. Ты это хочешь услышать?

— Я хочу, чтобы ты меня любила.

— Я люблю тебя.

— Не любишь.

«Когда же наконец вернуться остальные? — думала она. — Возвращались бы поскорее. В такую жару вздумали рыбу ловить. Как только они придут, пойдём ужинать, Алан слегка переберет виски, лихо погонит

машину, а ночью заснет мертвым сном. Он крепко прижмется ко мне, почти раздавит и, может быть, часок другой в своем забытии будет мне мил. А на следующее утро он расскажет мне все свои ночные кошмары, ведь у него такое богатое воображение».

Жозе приподнялась и взглянула на белый причал. Никого. Она снова опустилась в шезлонг.

— Их еще нет, — язвительно произнес Алан. — Жаль. Тебе скучно, не так ли?

Она повернулась к нему лицом. Он пристально смотрел на нее. Он и вправду походил на молодого героя вестерна. Светлые глаза, обветренная кожа, прямой взгляд. Простодушие, пусть даже напускное. Алан. Да, было время, она его любила. Но и теперь, когда как следует всматривалась в него, продолжала питать к нему слабость. Однако все чаще и чаще отводила от него глаза.

— Ну что, продолжим?

— Тебя это забавляет?

— Что ты почувствовала, когда я сделал тебе предложение?

— Я была рада.

— И все?

— Мне показалось, что я спасена. Ведь я... Мне было тогда нелегко, ты же знаешь.

— Почему нелегко? Кто был в этом виноват?

— Европа.

— Кто именно в Европе?

— Я уже рассказывала тебе.

— Повтори еще раз.

«Уйду, — вдруг подумала Жозе. — Я должна понять, что это неизбежно. Пусть делает что хочет. Пусть застре-

лится. Он уже не раз угрожал. И его горе-психиатр тоже говорил, что такое может случиться. Пусть свихнется, как и его чертов отец. Пусть их всех сведет в могилу этот идиотский алкоголизм. Да здравствует Франция и Бенжамен Констан!»¹

В то же время, как ни хотел этого Алан, она не могла представить его мертвым, мысли о его возможном самоубийстве вызывали у нее отвращение: «Ему для этого нужен будет какой-нибудь предлог, а я не хочу им быть».

— Это похоже на шантаж, — сказала она.

— Ну да, конечно, я знаю, о чем ты думаешь.

— Я не могу уважать тебя, пока ты меня так шантажируешь, — произнесла она.

— А что прикажешь делать?

— Да ничего.

Плевал он на то, уважает она его или нет. Впрочем, это мало ее задевало — она себя ценила не столь высоко. И это в двадцать семь лет! Всего три года назад она жила в Париже, одна или с кем хотела, дышала полной грудью. А теперь вот чахнет в этом искусственном, будто из папье-маше, мирке, возле молодого неуравновешенного мужа, который сам не знает, чего хочет. Она нервно рассмеялась. Он приподнялся, прищурился. Ему не нравился такой смех, хотя иногда он был способен проявлять тонкое чувство юмора.

— Не надо так смеяться.

Но она не останавливалась, продолжала тихо и уже как-то умиротворенно посмеиваться. Она думала о сво-

¹ Констан де Ребек Бенжамен Анри (1767–1830) — французский автор психологических романов. (Здесь и далее примеч. пер.)

ей парижской квартире, о ночных улицах, о безумствах юности. Алан встал.

— Пить не хочешь? Смотри, как бы тебя не хватил солнечный удар. Принести тебе апельсинового сока?

Он опустился возле нее на колени, положил голову на ее руку, посмотрел в глаза. То была другая его тактическая уловка: когда он видел, что ревность ее не трогает, он становился нежным. Она провела ладонью по его красивому лбу, обогнула пальцами овал твердых губ, продолговатые глаза и в который раз спросила себя, что же сводит на нет спокойную мужественность этого лица.

— Принеси мне лучше бокал бакарди, — сказала она.

Алан улыбнулся. Он любил выпить, и ему нравилось, когда она пила вместе с ним. Ее об этом предупреждали. Сама она была довольно равнодушна к алкоголю, однако порой ей хотелось набраться до бесчувствия.

— Значит, два бакарди, — сказал он.

Он поцеловал ей руку. На них умиленно посмотрела седовласая американка в цветастых шортах. Жозе не улыбнулась ей в ответ. Она смотрела на Алана, удалявшегося легкой поступью избалованного жизнью человека, и, как это случалось всякий раз, когда он куда-то уходил, к ней подступила легкая грусть. «Но ведь я его больше не люблю», — прошептала она и поспешила закрыть рукой лицо, будто солнце могло уличить ее в неискренности.

Наконец-то возвратившиеся друзья застали их лежащими на песке: Жозе, положив голову на плечо Алана, с жаром обсуждала с ним какой-то роман. Возле них валялось несколько пустых фужеров, и Брендон Киннель указал на них взглядом. Весьма неглупая женщина, Ева Киннель красотой не отличалась; и она, и ее муж были

людьми дружелюбными. Жозе ей нравилась, Алана она, как и Брендон, побаивалась. Киннели жили в полном согласии, за понятным исключением тайного безответного чувства, которое Брендон питал к Жозе.

— Ну и денек! — сказала Ева. — Провести в море целых три часа и поймать какую-то жалкую барракуду...

— Зачем бороздить океаны? — произнес Алан. — Ведь счастье — на песчаном берегу.

Он поцеловал волосы Жозе. Она подняла голову, увидела, что Брендон глядит на пустые фужеры, и мысленно послала его ко всем чертям. Алан был в ударе. Она приятно провела время на дивном пляже, и что с того, если в том ей помогли несколько бокалов бакарди?

Жозе прикоснулась к загорелой ноге мужа.

— Счастье — на песчаном берегу, — повторила она.

Брендон отвернулся. «Кажется, я сделала ему больно, — подумала она. — Он, наверное, любит меня. Странно, я об этом совсем не думала». Она протянула ему руку.

— Помогите мне подняться, Брендон, от этого солнца у меня кружится голова.

Она сделала ударение на «солнце». Он протянул ей руку. Многие задавались вопросом, почему Брендон Киннель, походивший на рассеянного морского волка, взял в жены Еву, которая напоминала какую-то букашку. Видимо, это произошло по двум причинам: она была умна, а он робок. Он помог Жозе подняться, та покачнулась и, чтобы не упасть, прильнула к нему.

— А как же я, Ева? — спросил Алан. — Вы хотите на всю ночь оставить меня одного на пляже? Вы же видите, что я пьян, как и Жозе. Мы оба наклюкались. Разве она не призналась, что нам было хорошо?

Он лежал на песке и смотрел на них, ухмыляясь. Жозе на мгновение отпустила руку Брандона, потом решительно на нее оперлась.

— Если тебя от двух рюмок повело, то я тут ни при чем. Я трезва как стеклышко и хочу есть. Я пошла с Брандоном ужинать.

Она повернулась к нему спиной, забыв о Еве. Впервые за последний год ей пришла в голову мысль о том, что кроме Алана на земле есть другие мужчины.

— Он бывает просто невыносим, — прошептала она так, что ее нельзя было не услышать. — Всегда все портит.

— Вам надо уйти от него, — сказал Брандон.

— Он без меня совсем опустится, то есть я хочу сказать...

— Он уже опустился.

— Пожалуй.

— Но он очень мил, не так ли?

Она хотела возразить, но, поведя плечами, произнесла:

— Наверное, вы правы.

Они не торопясь направились к ресторану. Жозе продолжала опираться на руку Брандона. Это прикосновение невыносимо, до судорог сковывало его движения, и он даже подумывал, не освободить ли ему свою руку.

— Мне не нравится, что вы пьете, — сказал он слишком громко и чересчур властно. Поняв это, он смутился. Жозе подняла голову.

— Матери Алана тоже не нравится, когда он пьет. Как, впрочем, и мне. Но вам-то что до этого?

Он высвободил руку с покорным облегчением. В кои веки ему представилась возможность наедине перекинуться с ней словом, а он умудрился ее оскорбить.

— Да, конечно, это меня не касается.

Она посмотрела на него. Он шел, слегка размахивая руками, у него было лицо честного, надежного человека. Когда-то она думала, что выходит замуж именно за такого мужчину.

— Вы правы, Брандон. Простите меня. Но вы, американцы, все помешаны на здоровье. В Европе не так. Я, например, живу с Аланом, но я не могу сказать себе: «Надо от него избавиться», — будто речь идет не о муже, а об аппендиците.

— И все же вам придется это сделать, Жозе, и если я когда-нибудь понадобится...

— Я знаю, спасибо. Вы с Евой очень добры.

— Не только мы с Евой, но и я один.

Он покраснел как рак. Жозе ничего не ответила. А ведь в Париже она любила поиздеваться над мужчинами. «Я постарела», — подумала она. В ресторане почти не было свободных мест. Далеко позади едва виднелись Алан и Ева, которые медленно шли за ними.

И вот они снова у себя дома. В их жилище было три длинные комнаты, облицованные светлым бамбуком и украшенные африканскими масками, соломенными поделками и рыболовными гарпунами, — короче, всем тем, что мать Алана считала экзотикой. Хотя Алан очень долго жил здесь в одиночестве, в доме не было его личных вещей. Книги и пластинки они привезли из Нью-Йорка. Никогда прежде Жозе не встречала людей, которых так мало интересовало прошлое. Он смотрел на все лишь ее глазами, причем так очевидно и откровенно, что порой ей хотелось рассмеяться. Нарочитость их отношений заходила так далеко и он так безнадежно терял свое